

«Никто за это не будет наказан»

3 июля 2023

Сотрудника службы «112» Андрея Борзакова из Подмосковья отправили на войну, несмотря на больничный и бронь на работе. Его жена Мария, оставшись вдвоём с сыном-инвалидом, несколько месяцев писала жалобы — и заставила чиновников признать ошибку и распорядиться вернуть человека домой. Но бумаги не успели прийти в часть: Андрей погиб за несколько дней до этого. Журналист Александр Лисичкин специально для «Новой вкладки» и проекта [«Продолжение следует»](#) рассказывает эту историю.

— Я моталась по всей Москве. Андрей просил купить горку на флисе. Оказалось, это типа горный костюм. А для меня горка — это стенка, мебель. А для кого-то горка — это ребёнок с горки катается. Какое термобельё? Оно бывает тонкое, толстое — я вообще в этом ничего не понимаю. Наколенники купила, подумала: надо будет пригнуться, упасть — все коленки разобьёт. Перчатки тактические. Какой у него размер руки?

Мария раскрывает перед собой ладонь.

— Посмотрела: моя такая, у него побольше. Взяла перчатки, а потом ещё одни, потому что не знаю, какие ему подойдут. Носки — влагоотводящие, тёплые. Стельки. Четыре часа в «Сплаве» просидела: ничего не было, всё разобрали. Продавцы выносили — и люди как коршуны налетали. Там были те, кого призвали, кто готовился, что его призовут. Один мужик закупал гуманитарку для бойцов, говорил: «А у самого ни хрена нет. Завтра мне принесут повестку — у меня ничего нет». Я на 50 тыщ накупила всего.

Мария Якушечкина говорит, что ощутила физическую тяжесть, когда узнала, что её супругу Андрею Борзакову принесли повестку

38-летняя Мария Якушечкина сидит на скамейке у входа на Николо-Архангельское кладбище и рассказывает, как в сентябре 2022 года собирала мужа на войну. Волосы собраны в гладкий хвост, очки, на коленях лежит букет бордовых гвоздик. Её супруга, 36-летнего Андрея Борзакова, несмотря на открытый больничный и официальную бронь от предприятия, мобилизовали: 23 сентября принесли повестку и на следующий день уже отправили в подмосковную воинскую часть.

— Я думаю, им просто надо было выполнить план по набору людей. Им было

всё равно: хромые, больные, косые, многодетные, с детьми-инвалидами — брали всех. Когда Андрей приехал в часть, говорил: «Тут даже мужик без пальца есть». Набирали кого попало. Кто-то по дурости пошёл, кто-то честный — решил как положено поступить, показать свои отсрочки. Но там никто не разбирался: нахватали, в автобусы посадили и повезли.

«Не переживайте, вы нам точно не понадобятся»

Андрей с женой и пятилетним сыном Артёмом жил в подмосковном Ногинске, на работу ездил в Москву — занимался обслуживанием систем связи в службе срочных вызовов «112». В сентябре он заболел ОРВИ, но 23-го числа, несмотря на больничный, поехал в профсоюз, где обещали частично возместить траты на реабилитацию ребёнка: у Артёма аутизм.

Повестку в тот же день принесли по месту прописки Андрея — в квартиру его 67-летней матери Людмилы Николаевны в московском районе Жулебино. Когда в дверь позвонили, женщина, опираясь на трость, пошла в коридор: после перенесённого инсульта ходить быстро не получалось. Не посмотрев в глазок, открыла. На пороге стоял дворник в оранжевом жилете. Он протянул повестку «на военные сборы» — бумажку без номера и серии, где от руки было вписано имя сына.

Женщина стала задавать вопросы, дворник по-русски не говорил, но позвонил куда-то по телефону. Мужской голос в трубке представился сотрудником военкомата. Женщина объяснила, что сын на больничном, на что голос ответил: «Ну, пусть придёт и покажет». Об этом со слов свекрови рассказывает Мария, сама Людмила Николаевна говорить о сыне сейчас не в силах.

Когда дворник ушёл, пенсионерка позвонила сыну. Андрей заскочил к матери, взял повестку и пошёл в Кузьминский военкомат разбираться: был уверен, что покажет свой больничный — и его отпустят. На войну он не хотел, утверждает жена. Первое, что сделал Андрей «как только объявили эту СВО», — взял справку об инвалидности сына и понёс в военкомат как доказательство отсрочки. Там его успокоили: «Не переживайте, вы нам точно не понадобятся».

Вот и 23 сентября, направляясь в военкомат с повесткой «на военные сборы», Андрей был уверен, что всё обойдётся. Но там, проигнорировав больничный, мужчине вручили новую повестку — по мобилизации: «Явиться завтра в 16 часов».

Мария считает, что на войне не место простым работягам — это дело профессиональных военных, которые выбрали такую профессию

Андрей и Мария поженились через пару лет после знакомства, перед рождением сына мужчина начал делать в подмосковной квартире ремонт — Учитывая, что это специальная военная операция, таких людей, как мой муж, там быть не должно, — уверена Мария. — Должны быть профессиональные военные, которые выбрали эту профессию, получали зарплату, военные ипотеки, льготы, а не эти работяги, которые тащили свои семьи.

Из военкомата Андрей помчался на работу, в ГБУ «Система 112». Там уже оформляли документы для отсрочки от службы. Андрей работал электромонтёром 6-го разряда, отвечал за системы оповещения в детских садах и больницах в случае ЧС и был включён в списки людей, которые имеют право на бронь.

— Страшно стало сразу, как только он сказал, что его забирают. Ощущение было, словно у меня на плечах кто-то сидит и давит, — вспоминает Мария.

«Сказали приезжать в понедельник»

В тот день Андрей остался ночевать у матери в Москве. На следующее утро, в субботу, 24 сентября, он сделал у нотариуса генеральную доверенность на Марию, чтобы она могла представлять интересы мужа во всех организациях и распоряжаться имуществом. После Андрей, взяв кое-какие вещи, отправился в Кузьминский военкомат. Жену попросил не приезжать на проводы: «Не надо, ты будешь плакать». По словам Марии, он был уверен: как только в воинскую часть придут с работы документы об отсрочке, его отпустят домой. Ощущения, что уезжает надолго, у Андрея не было.

В военкомат с Борзаковым приехал его коллега Кирилл (*имя изменено по просьбе героя*). Он привёз письмо от лица руководителя организации, где говорилось, что деятельность Андрея подпадает под категорию «обеспечение связи» и ему по закону положена отсрочка. Сервис по приёму заявлений на отсрочку на «Госуслугах» начал работать только 27 сентября, поэтому сначала бумаги привозили лично — так было быстрее.

— Я встретил Андрея у военкомата, и мы пошли к какому-то полковнику в очках, с усиками. Меня пропустили полиция и комендант — и я оказался в приёмной, — вспоминает Кирилл.

Он представился и показал документы. После этого, рассказывает Кирилл, полковник вывел его в коридор и стал орать — мол, кто его сюда пустил.

— Мы вышли на улицу. Я спросил, почему он так неадекватно себя ведёт и не принимает документы? Он ответил, что нас много, он один, и все от него что-то хотят. Сказал приезжать в понедельник, когда будет работать канцелярия военкомата.

Когда Тёмке исполнилось два года, он практически перестал издавать звуки. Мальчику поставили диагноз «аутизм», с тех пор все деньги семья тратила на реабилитацию сына

Летом Артём получил направление в речевой лагерь. Мария надеется, что занятия помогут, и сын начнёт говорить

О том, что папа погиб, Тёмке не сказали: решили, что такой стресс вызовет откат в развитии ребёнка

Андрей, несмотря на бронь от организации и открытый больничный лист, сам сел в автобус, который отправлялся от военкомата в воинскую часть в подмосковном Наро-Фоминске. Было прохладно, шёл дождь, но Андрея трясло от жара: температура. Проводить сына приехала Людмила Николаевна. После женщина вспоминала, как Андрей исчез за тонированными стёклами автобуса — и больше она его не видела. Когда автобус отъехал, мать расплакалась.

С собой Борзаков взял документы об отсрочке и кнопочный телефон: смартфоны брать запретили. Через несколько дней на его мобильник, оставшийся у Марии, пришло оповещение с «Госуслуг» о том, что Андрея включили в список на отсрочку от мобилизации. Мужчина в это время уже был в части в Наро-Фоминске.

Мария осталась одна с сыном-инвалидом, без работы.

«У нас правовое государство, всё будет хорошо»

С Андреем Марию в 2014 году познакомила общая подруга. «Красивый был, влюбилась. Добрый, заботливый, руки из нужного места растут, надёжный, он не предаст. Вроде бы он звёзд с неба не хватал, но как человек хороший был», — вспоминает Мария.

Андрей много лет состоял в «Поисковом движении России», искал останки бойцов, погибших в Великой Отечественной войне. В 2014 году, незадолго до знакомства с Марией, «когда вся заваруха началась», подумывал поехать на Донбасс, хотя боевого опыта у него не было. С военной кафедры института, по словам Марии, Андрея выгнали: «Что-то не так сказал, не мог язык за зубами держать». Окончив вуз, пошёл в армию, хотя мог откосить: у него были плоскостопие и варикоз. Отслужив в Таманской дивизии, Андрей получил специальность гранатомётчика, хотя в реальности, говорит Мария, «чистил унитазы и подметал двор».

Через два года после знакомства пара поженилась, Мария забеременела. «Тогда желание ехать на Донбасс у Андрея пропало. Повзрослел, ответственность появилась», — рассказывает она. Ещё до рождения сына мужчина затеял дома ремонт: ванная, туалет, детская. Доделать электрику не успел, сейчас по всей квартире висят провода.

Провожая Андрея на войну, Мария понимала, что он может погибнуть или вернуться инвалидом. «И было бы у меня два инвалида», — говорит она — Андрюшка очень работающий, у него золотые руки, сам всё делал: плитку клал, обои, ламинат, электрику, — перечисляет Мария. — Чуть-чуть копеечка появлялась — сразу что-то делал.

Отремонтировать квартиру разом, быстро семья не могла: деньги начали уходить на реабилитацию сына. Проблемы начались, когда Тёмке исполнилось два года: он вдруг начал мычать как немой и вёл себя так, словно не слышит. Врачи успокаивали: «Подождите, заговорит» — но Мария добилась направления к неврологу.

Сыну поставили диагноз «аутизм», дали инвалидность. Семья стала пробовать разные варианты реабилитации: логопед, нейропсихолог, лечебная физкультура, бассейн. Всё это платно. Мария, до декрета работавшая дизайнером в мебельном магазине, больше туда не вернулась: всё время уходило на сына. Семью содержал Андрей.

— Мы все силы прикладывали, чтобы сыну стало лучше. В два года он был

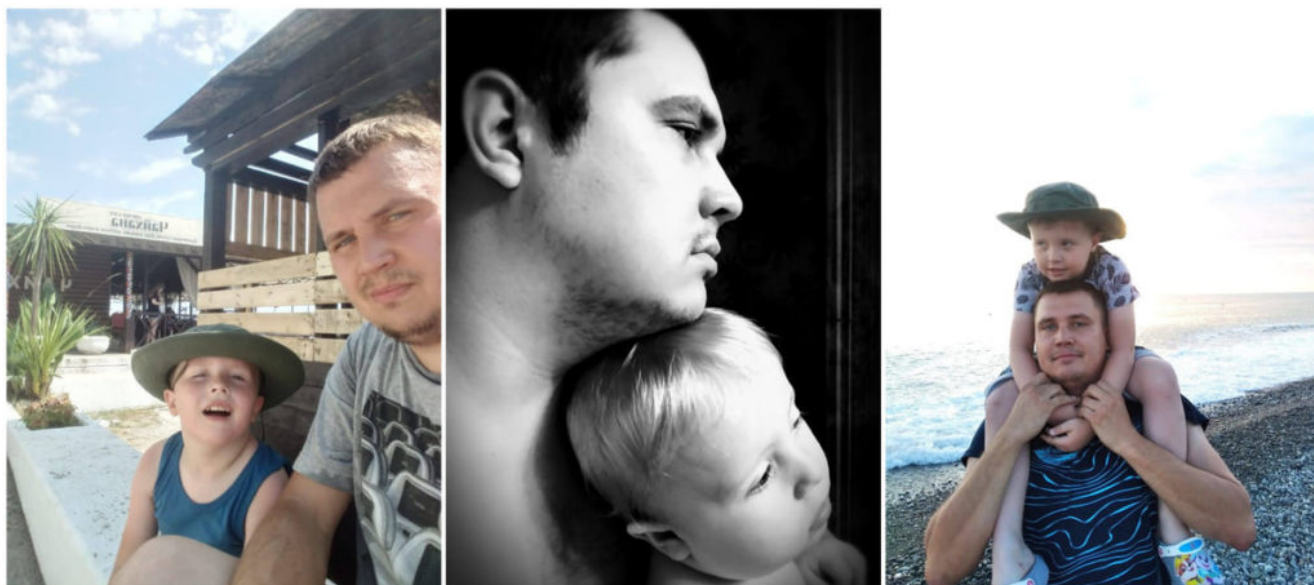
агрессивный, с истериками. Мог стоять, заорать и резко упасть назад — я боялась, что он повредится. На приёмах у врачей Андрей его держал, я одна не справлялась, — вспоминает Мария. — Сейчас это совершенно другой ребёнок: играет с другими детьми, с ним можно договориться. Всё благодаря тому, что я с ним занималась, ездила на реабилитации. Все деньги мы тратили на ребёнка.

С отцом у Артёма была нежная связь, говорит Мария: мальчик встречал его с работы у двери, лез обниматься-целоваться. Андрей часто укладывал сына спать и, бывало, от усталости засыпал раньше него. Когда Андрея забрали, Мария объяснила сыну, что «папа — солдат, папа на паровозе — чух-чух — уехал».

В понедельник, 26 сентября, когда Андрей был уже в части, его друг и коллега Кирилл снова повёз пакет документов, но уже не в военкомат, а в здание через дорогу — там организовали пункт сбора, где сотрудники призывной комиссии оформляли мобилизованных для отправки в воинские части.

Прождав три часа, Кирилл попал на приём к «высокой статной женщине с пышной причёской, чёрными волосами, золотыми кольцами и последним айфоном».

— Я объяснил, что человека незаконно мобилизуют: жена одна, ребёнок-инвалид, документы на отсрочку от организации есть, — вспоминает он. — Женщина сказала: «Не волнуйтесь, у нас правовое государство, всё будет хорошо». Взяла документы, записала его ФИО себе на листочек — и хрен ли толку, блин?

У Андрея с сыном была нежная связь: мальчик всегда встречал отца с работы, они обнимались

В подмосковной части Андрей пробыл неделю. Там ему выдали кое-что из одежды: штаны налезли, а бушлат не застегнулся — оказался на два размера меньше. Мужчина позвонил жене и попросил собрать и передать его походный инвентарь: рюкзак, палатку, спальный мешок, лопату, фляжку. Мыслей о том, чтобы самовольно покинуть часть и не ехать на войну, у Андрея «однозначно не было». Хотя один вариант избежать отправки на фронт всё-таки оставался: нужно было подтвердить, что у Андрея на иждивении находится ребёнок со сложным диагнозом. Какие для этого нужны документы, ему не сказали, хотя при себе у мужчины была копия справки об инвалидности сына. Начальство части пригрозило: «Мы можем тебя сейчас отпустить, но, если не подтвердится, что у тебя на иждивении ребёнок, будешь считаться дезертиром». Андрей побоялся такого обвинения — и остался.

— Я собирала ему кровоостанавливающие губки для ранений, жгуты какие-то — в магазинах ничего не было, всё разобрали, — рассказывает Мария. — Какие-то лекарства брат с женой привозили: от поносов, от обезвоживания. Мы ж не знаем, что там будет, что дадут, что не дадут. Я повезла вещи в часть, Тёмку хотела оставить дома, а мама говорит: «Свози. Неизвестно — может, в последний раз его видит».

Мария вспоминает, как они с сыном мчались по платной дороге, таксист гнал «под 200 км/час», чтобы успеть: Андрей сказал, что в 12 часов дня их отправляют дальше. Всего женщина приезжала к мужу в часть дважды,

на поездки из Ногинска в Наро-Фоминск на такси ушло около 20 тысяч рублей: «Целый рюкзак вещей ему передала. Простились — и больше мы не виделись».

30 сентября Андрей вместе с другими мобилизованными сел в поезд, который доехал до Белгорода и остановился на границе с Украиной. Это был тот самый эшелон, пассажиры которого [взбунтовались](#), жалуясь на антисанитарию и ковид. Через неделю состав направили в Мулино Нижегородской области, мобилизованных разместили в казармах.

«Тебя будут возвращать, сиди тихо-спокойно»

Мария стала писать жалобы, чтобы вернуть Андрея домой, «пыталась ухватиться за любую соломинку».

Сначала — в Кузьминский военкомат Москвы на имя военкома Владимира Дворака: просила признать мобилизацию Андрея незаконной. Дворак ответил, что «законных оснований для отсрочки нет»: якобы Андрея призвали раньше, чем были готовы списки сотрудников, которым положена отсрочка.

Мария писала в Администрацию Президента РФ, мэру Москвы, в комитет Госдумы по обороне и уполномоченным по правам человека и ребёнка. Обращалась к разным депутатам, в бот ведущего Владимира Соловьёва по мобилизации, в Комитет солдатских матерей и разные группы в соцсетях, где объединялись женщины в подобных ситуациях. Запросы депутатов уходили в комитет Госдумы по безопасности и противодействию коррупции и в прокуратуру — городскую и военную. Оттуда обращения спускали в нижестоящие инстанции, шли отписки: «Нарушений нет».

С больничным, который действовал у Андрея до 26 сентября, тоже вышла странная история. Поликлиника его просто аннулировала и изготовила дубликат: дата закрытия больничного совпадала с датой призыва — 24 сентября.

— Это подлог. Я писала им на почту, спрашивала, почему они так сделали. Ответом было «мы не имеем права разглашать врачебную тайну».

Получается, что 24-го Андрей был здоров и спокойно пошёл защищать родину, — Мария усмехается. — А 24-е — это вообще выходной день, поликлиника не работала — как она могла закрыть больничный? Непонятно это всё. Получается, это тоже проделки военкомата?

Несколько месяцев Мария добивалась, чтобы Андрея вернули домой. Когда чиновники наконец отозвали решение о призыве — Андрей подорвался на mine

Сопrotивлению военкомата удивляется и коллега Андрея Кирилл: «Кого-то возвращали с фронта без проблем. А пока Андрея возили по полигонам, руководство пыталось его вернуть: писали в разные ведомства, сам начальник службы ездил в военкомат, что-то там решал, но без толку».

— Тут я психанула и [обратилась](#) к Собчак, записала видео, она его опубликовала, со мной связался помощник депутата [Госдумы] Ярослава Нилова, и после его запроса стала работать военная прокуратура, — говорит Мария.

В ноябре, когда Андрея перебросили на учения в Беларусь, Мария тяжело

заболела пневмонией. Лечь в больницу не смогла: не с кем было оставить Артёма. «Мы с сыном почти два месяца проболели на таблетках. Получается, что случись — ты сдохнешь, потому что ребёнка некуда деть», — констатирует она.

Придя в себя, женщина продолжила собирать посылки в Беларусь. Муж попросил новую горку оттенка «сумрак»: расцветка той, которая была у него, выбивалась из общей массы. На покупки Мария тратила десятки тысяч рублей.

Официальная «военная» зарплата у Андрея была 30 тысяч — как у рядового — и небольшая доплата за специальность гранатомётчика. Все выплаты приходили на зарплатную карту Андрея, которую он оставил жене. При этом в службе «112» он зарабатывал больше 100 тысяч: часто работал сверхурочно и брал подработки. Оставляя семью, мужчина говорил: «Как вы будете на эти деньги жить?»

В середине октября рядовым мобилизованным [стали платить](#) 195 тысяч рублей в месяц. Ещё 50 тысяч доплачивала Москва — распоряжением мэра Собянина. Тем не менее первые деньги Мария получила только в ноябре — и это было всего 40 тысяч.

— Мать говорит: «Всё, что получили, туда и отвезли». Денег особо и нет у нас. Говорят: «Вы получаете выплаты, у вас должны быть миллионы», а по факту — сюда 50 тыщ, туда 40 тыщ. К нему друзья ездили, и мы просто сумками вещи передавали. Андрей звонил раз в несколько дней, иногда даже два-три раза в день, но говорили не больше минуты: связь ужасная, глушили, половину не слышишь. Он просил что ему жизненно необходимо: носки, трусы — вплоть до такого, — объясняет Мария. — Еду Андрей не просил, он очень неприхотливый, не выпендривался, не курил, не пил. Но мы же понимаем: чайку попить — хочется чего-нибудь вкусненького. Мама найдёт — о, финики по акции. Фигахс, 10 кг фиников купила. Колбасы какой-то. Понятно, что не только ему: он со всеми поделится. С работы ребята десять килограммов апельсинов отправили.

На войну Андрея собирала Мария: покупала по списку обмундирование и бинты. В магазинах всё быстро разбирали, женщина проводила по несколько часов в очередях

В Беларуси Андрей провёл почти три месяца, семье про свою службу рассказывал мало, успокаивал, что они «до конца будут Беларусь охранять».

— Он от нас всё скрывал, чтобы мы не переживали с мамой, — Мария вздыхает. — А на самом деле для нас это было ещё хуже: все родственники мобилизованных из его роты уже давно общаются в чате, скорефанились, а мы сами в своём соку варимся и половину вообще не знаем.

В начале декабря военком Дворак через представителя работодателя попросил Марию написать новое обращение в военкомат — «без упоминания больничного». А в начале января Мария узнала, что военком направил в воинскую часть уведомление, что Борзаков включён в список Генштаба на отсрочку от мобилизации как сотрудник предприятия связи. Но этого было недостаточно — требовалось ходатайство того же Дворака.

Мария по мере возможности держала Андрея в курсе дел. Сам он несколько раз спрашивал начальство по поводу рапорта на увольнение, но «его посылали»: без ходатайства из военкомата демобилизовать не могут. После этого, вспоминает Мария, Андрей «уже как-то смирился».

Через пару недель Марию добавили в чат родственников мобилизованных из роты Андрея. Там писали, что «наши все уже в Украине», и публиковали имена погибших. Андрей к тому времени не выходил на связь уже десять дней. Мария стала расспрашивать про мужа, ей позвонил парень, который

был напарником Андрея, и сказал, что с ним всё хорошо. Сам Андрей позвонил только 19 февраля, попросил Марию прислать ему берцы, аккумуляторы для тепловизора, аккумулятор с фонариком и переходник для розетки. Ещё муж попросил перевести 50 тысяч рублей на чужую карту для закупки, чего именно — Мария не уточняла.

В конце марта Марии позвонили из военной прокуратуры: сказали, что 1 апреля начнётся призыв — и тогда комиссия соберётся и примет решение по поводу возвращения Андрея. Мария постоянно дёргала чиновников: «Побыстрее нельзя никак?» Сотрудник прокуратуры отвечал, что у него «всё на контроле».

Через несколько дней призывная комиссия Москвы отменила решение призывной комиссии Кузьминского района о призыве Андрея и постановила вернуть его домой. Марии сообщили, что военком Москвы Максим Локтев отправил ходатайство в воинскую часть об увольнении и перемещении Борзакова к месту приписки.

— Я такая радостная была, даже мысли не было, что за это время с Андреем может что-то случиться. Он звонил 17 марта довольный: «Меня скоро в отпуск отпустят». А я ему: «Тебя будут возвращать, не лезь там никуда, сиди тихо-спокойно». Это был его последний звонок.

Дошло ли ходатайство до части, Мария до сих пор не знает. Военком Кузьминского военкомата Владимир Дворак на запрос «Новойкладки» не ответил.

«Мы делаем вид, что ничего не случилось»

Середина мая, в Москве жарко, а по аллеям Николо-Архангельского кладбища гуляет прохладный ветер. Пахнет сиренью. Иногда проезжают машины, и мы жмёмся к могильным оградкам. Шины шуршат по гравию — и снова только птицы.

— Кажется, сюда.

Мария ещё путается в кладбищенских аллеях: Андрея похоронили две

недели тому назад. Сегодня — сорок дней. Мы подходим к свежей могиле: горка глинистой земли, чёрные ленты с золотыми буквами «Защитнику Отечества», «от Минобороны». Мария беззвучно плачет:

— Конечно, я понимала, что он может погибнуть, — я же не совсем дура. Понимала, что может случиться всё что угодно: и инвалидом он мог вернуться, и было бы у меня два инвалида. Я понимаю, что это война и здесь от тебя ничего не зависит, какой бы ты супергерой ни был, даже если весь в бронежилетах.

Мария собирает с могилы увядшие гвоздики, с хрустом переламинает зелёные стебли и запихивает в чёрный пакет. О том, что Андрей погиб, она узнала 8 апреля.

— Мы были на дне рождения у Тёмкиного друга. Не хотели идти, но днём в чате мобилизованных написали, что всё хорошо, и мама Андрея сказала: «Сходите, отдохните — сколько вы уже на нервах».

В разгар праздника Марии пришло сообщение от «девочки из чата» — она просила срочно перезвонить. Девочка сказала: «Ваш муж подорвался на mine».

— Меня затрясло. Я спросила: насмерть? Она сказала — да. Я назвала его позывной, переспросила: точно он? Она сказала: да, все ребята из роты его опознали. У меня подкосились ноги, я села на ступеньки в холле. Когда приехали с праздника домой, я уложила сына спать, и вот тогда у меня началась истерика.

Через два дня Марии позвонил военком Дворак, спросил:

— Ну, вы уже знаете?

Тёмка скучает по папе: пишет, как умеет, «письма» и делает поделки на реабилитационных занятиях

Тело Андрея отправили в Ростов-на-Дону, там его приняли без очереди: помогли связи друзей из поискового отряда. Ростовский судмедэксперт позвонил Марии и попросил прислать фотографии, где видны уши мужа, — для опознания.

— У нас люди, получающие по полмиллиона в месяц, все сидят с бронеми. А чего им принимать решения об обычных мужиках, если у них есть бронь? — рассуждает Мария. — А мы тут просим для себя. Всё это, конечно, мерзко. За что мой муж погиб? За этих людей, которые над нами издеваются?

В конце апреля тело Андрея привезли в Москву. Минобороны настаивало, что мужчину надо похоронить в Пантеоне героев неподалёку от Мытищ. Семья настаивала на Николо-Архангельском кладбище — оно ближе всего к дому, там похоронена бабушка, а до Мытищ не добраться ни пожилой маме, ни Марии с ребёнком. Минобороны не было против, но оплачивать похороны на другом кладбище отказалось.

Решили хоронить сами. Администрация Николо-Архангельского кладбища назвала стоимость новой могилы: 500 тысяч рублей за крайний ряд, прямо на гравийной дорожке. Тогда мама Андрея отдала сыну место на кладбище рядом с бабушкой, которое приготовила себе: «Не хочу, чтобы он на обочине валялся». Похороны обошлись семье в 200 тысяч рублей, Минобороны выплатило компенсацию — 33 тысячи. Возможно, будет ещё одна «похоронная» выплата около 40 тысяч — Мария точно не знает. На похороны Андрея пришли родственники, коллеги, друзья и представители Минобороны. Похоронный агент организовал почётный караул.

На сайте «За Победу!», посвящённом «живым и павшим героям спецоперации Российской Федерации по освобождению Украины от нацизма», есть [страничка](#) Андрея. На мутноватой фотографии молодой голубоглазый мужчина в камуфляже стоит в ночи на фоне армейских палаток. Некролог написали его друзья из поискового отряда: «8 апреля 2023 года в ходе проведения специальной военной операции погиб наш товарищ — Борзаков Андрей. Андрей был честным, смелым и добрым человеком, умелым воином. Андрей повторил судьбу солдат, которых он многие годы искал в полях и лесах. Мы должны сохранить память о нём».

На [сайте](#) ГБУ «Система 112» о гибели сотрудника Борзакова не сказано ни слова, хотя коллега Кирилл на вопрос, удалось ли найти замену Андрею, говорит: «Вы что, такого специалиста трудно найти».

«Мы не просили денег — мы просили, чтобы нам вернули мужа и отца»

— Когда Андрея не стало, я поняла, что мы с Тёмкой никому не нужны, — говорит Мария. — Раньше казалось, что вроде что-то делается, как-то заботятся — та же соцзащита. Сейчас я поняла, что никого не волнует, как мы будем дальше жить, как я одна буду растить ребёнка. У Тёмки есть шансы стать нормальным, работать, приносить пользу государству, но одной мне очень тяжело будет этого добиться.

Сейчас Мария получает пенсию на ребёнка-инвалида и пособие по уходу — около 30 тысяч рублей в месяц. Она рассуждает: даже если найдёт подработку на пару часов в день, потеряет пособие по уходу —

по российским законам работающий родитель не может его получать.

За гибель Андрея государство обещает выплатить 12 млн на всех членов семьи: матери, жене, сыну. Деньги ребёнка, объясняет Мария, будут лежать на счёте, снять их можно только с разрешения органов опеки. Есть ещё военная пенсия — 21 тысяча рублей на всех членов семьи.

На днях Мария оказалась по делам в Москве и заехала в Центр поддержки семей мобилизованных. Внутри свежий ремонт, провода нигде не свисают, стоят жёлтые велюровые стульчики и валяются детские игрушки.

— Там всё новенькое — не как в центре соцзащиты, где дети-инвалиды занимаются. Но люди сидят просто для отвода глаз, никто толком ничего не знает. Пока ты живой — тебе что-то положено, а дальше — неизвестно.

В центре сообщили, что Марии положена пенсия по потере кормильца. Но выяснилось, что в России ребёнок может получать только одну пенсию: либо по инвалидности, либо по потере кормильца. Нужно выбирать.

— Мы не просили денег — мы просили, чтобы нам вернули незаконно призванного мужа и отца, только и всего, — говорит Мария. — Он сам бы эти деньги заработал. А его просто лишили жизни — и в итоге мы остались с ребёнком одни. Как хочешь, так и выживай. Самое главное, что никто за это не будет наказан.

Теперь Мария надеется только на себя. После гибели Андрея она поняла: государство не волнует, как она будет воспитывать ребёнка в одиночку

У сына, уверена Мария, есть шансы «стать нормальным и приносить пользу государству»

Артём скучает по папе: на днях как сумел написал ему «письмо», а если находит фотографию, начинает спрашивать, где он. Мальчик до сих пор не знает, что папа погиб. Мария решила скрывать эту новость до тех пор, пока Тёма не начнёт нормально говорить: боится, что из-за сильного стресса у ребёнка наступит откат в развитии.

— На улице боишься, что кто-то из знакомых начнёт спрашивать — и ребёнок узнает. В семье всех предупредили: говорить Тёме, что случилось с папой, нельзя. Мы делаем вид, что ничего не случилось, — поясняет жена Андрея. — В течение дня я нормально: занимаюсь сыном, гулять ходим, а когда ребёнок спать ложится — меня накрывает. Помочь нечем.